

Г. А. Гаджиев¹

ИСТОРИЧЕСКИ СОСТОЯВШИЙСЯ ДИАЛОГ КУЛЬТУР КАК ОСНОВА ПРАВА РОССИЙСКОГО НАРОДА БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

1

Среди 84 слов, из которых состоит преамбула Конституции России, есть слова патетические, политически страстные. Собственно, начинается Конституция с первого утверждения о том, что мы, многонациональный народ Российской Федерации, соединены *общей судьбой* на своей земле.

Конечно, можно предположить, что составители конституционного текста в преамбуле проявили

¹ Судья Конституционного Суда РФ, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ. Автор свыше 200 научных работ, в т. ч. монографий и учебных пособий: «Защита основных экономических прав и свобод предпринимателей за рубежом и в Российской Федерации: опыт сравнительного анализа», «Предприниматель–налогоплательщик–государство: правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации», «Конституционные принципы рыночной экономики», «Конституционная экономика» и др. Председатель редакционного совета журнала «Сравнительное конституционное обозрение», член редакционных коллегий пяти научных журналов. Член Совета при Президенте РФ по совершенствованию гражданского законодательства. Награжден Почетной грамотой Президента РФ. Почетный доктор СПбГУП.

склонность к простой риторике. Но юристы считают, что каждое слово в таких важных текстах, как тексты основных законов, обладают признаками нормативных понятий. Часто эти юридические понятия являются спецификацией философских понятий. Таким, на наш взгляд, является понятие «общая судьба» как то, чем характеризуется народ, являющийся конституционным законодателем.

Понятие «общая судьба» не разрабатывалось в доктрине конституционного права. Между тем драматические политические события последнего времени выдвигают его в эпицентр юридических и философско-правовых дискуссий.

Общая судьба на своей земле в течение тысячелетия, совместное проживание множества народов (некоторые из них исчезли, ассимилировались) имеют своим результатом как генетически единое целое, так и социальное единство, обладающее духовной общностью. Эта общность имеет волю, реализующуюся в появлении политической формы — российской

государственности, зарождение которой можно связывать или с Рюриковичами, или же, как в концепции Н. Трубецкого, с империей Чингисхана.

Общая судьба как понятие отражает не только генетические связи, но и отношения общей культурной принадлежности. Академик В. С. Степин точно подметил, что в России исторически сложились сильные традиции толерантности между многочисленными народами, населяющими ее территорию. Традицией русской государственности является бережное отношение к национальным культурам. У нас не было унификации культур в том смысле, как это происходило в Европе в эпоху становления национальных государств, когда многие этносы и этнические культуры исчезли. В России этнические анклавы исторически всегда сохранялись, но как плата за такое сохранение возникло противоречивое соединение культурных образцов и обычаев.

Конечно, это обстоятельство делает наш путь к идеалу верховенства права более длительным и извилистым. Это должны понять наши оппоненты на Западе. Они же пока придерживаются маркузианского лозунга «Будьте реалистами — требуйте невозможного».

В этой особенности исторического пути культурного развития многонационального народа России кроются причины сложности модернизации.

Диалог культур при создании российской политической нации явился важным фактором, позволяющим объяснить особенности конституционной судьбы, предопределяющей контуры конституционного облика России. Сквозь призму конституционного понятия «общая судьба на своей земле» можно найти твердую почву для нового направления в развитии конституционного права — культурологического. Конституция России в таком случае должна рассматриваться не только формально-юридически, но и под углом зрения исторически сложившихся традиций понимания свободы и справедливости.

Общая судьба как объективная данность — это следование современного поколения россиян в русле определенной, сложившейся на протяжении веков культурной традиции. Понимая это, мы можем по-иному представить себе онтологико-правовой статус Конституции: она не является просто кодификацией важнейших юридических принципов, множество из которых заимствованы, рецептированы из права других стран. Одновременно сквозь призму понятия «общая судьба», ответственности между поколениями Конституция является своеобразной кодификацией отношений с прошлым. Это идея немецкого философа права Й. Изензее о необходимости учета исторического процесса, своего рода идея историзма в доктрине конституционного права. Новая конституция всегда является новой лишь отчасти, поскольку с неизбежностью должна воспринимать какие-то элементы прежней жизни. «Здесь пролегает граница политических возможностей, — пишет Изензее, — за которую вопреки любым постулатам о суверенности власти не способен выйти ни один создатель конституции. Он в состоянии придавать новые черты лишь отдельным сторонам жизни народа, но не преобразовать всю ее разом, потому что нельзя

оторвать народ от его истории и хотя бы на мгновение остановить течение жизни.

Теория, связывающая современную конституцию с прошлым, позволяет увидеть без прикрас картину государства, соответствующую конституции. Конституционный закон — не только результат кодификации основополагающих правовых норм, но и как бы кодификация их связей с прошлым, которые придают этим нормам смысл, содержание, форму и действительность¹.

Взятое в его философском смысле понятие «общая судьба» представляет собой реальность неуниверсализированного бытия сообщества людей, считающих себя одним народом. Это идея единства, лежащая в основе принципа федерализма. (В ч. 3 ст. 5 Конституции РФ не случайно утверждается, что федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности.)

Общая судьба как свойство, принадлежность общества людей предполагает и энергию сопротивления тем силам, которые требуют от людей этого сообщества подчинения универсализации, превышающей разумный минимум общности. Тут очень важно не допустить крайностей.

Согласно преамбуле Конституции мы, многонациональный народ России, сознаем себя частью мирового общества. Но это именно мировое сообщество, а не отдельные его части. Правильно понятая идея общей судьбы с точки зрения идеологии должна помочь избежать крайностей национализма, который всегда основывается на культе избранности, эксклюзивности и который всегда опасно экспансивен. В речи Фихте к немецкой нации, в которой он соревнуется с глашатаями французского национализма, хорошо видны эти отрицательные черты национализма. Для того чтобы идея общей судьбы стала идеологически полезной как часть идеологии патриотизма, надо отсечь от нее все лишнее, а это намеки на особые способности, на мессианство и другие вечнозеленые мифы исключительности того или иного народа.

Общая судьба порождает прежде всего культурную идентичность, одним из проявлений которой являются традиции, *mores* — традиции патриотизма, солидаризма, поддержка семьи и т. д. Возможно, видимо, признать онтологичность традиций русской государственности. В таком случае появляется целая исследовательская программа: можно ли их рассматривать как надконституционную ценность; в чем сила и слабость традиций государственности; можно ли построить систему (градацию) таких традиций; есть ли возможность оценить силу торможения, присущую какому-то из этих традиций, с тем чтобы научиться управлять ею подобно тому, как человек научился управлять торможением автомобиля (от чего сила торможения в целом не исчезла).

2

Как сугубо юридическое понятие «общая судьба» связана с естественным коллективным правом на идентичность, самобытность, сохранение культурных традиций всех народов Российской Федерации. Россия

¹ Государственное право Германии : в 2 т. М., 1994. Т. 1. С. 12.

в сообществе мировых наций имеет право на культурный релятивизм. Проявления этого конституционного права можно наблюдать в общественных дискуссиях современной общественной жизни. Когда принимается решение об установлении ограничительной квоты на показ американских кинофильмов на экранах российских кинотеатров, то это тоже реализация права народа на неуниверсализированное бытие.

Идея об общей судьбе ставит совершенно новый для конституционного права вопрос о реальности конституционного права будущих поколений россиян. Можно ли сейчас признать правосубъектность будущего поколения российского народа? Это далеко не праздный вопрос: от ответа на него, в частности, зависят темпы выкачивания нефти, газа из недр, состояние экологии в стране. Но самое главное, что Конституция России закрепляет ряд важных культурных прав будущих поколений. Государство, в частности, должно заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры для будущих поколений (ст. 44 Конституции РФ). Несмотря на то что государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский, республики вправе устанавливать свои государственные языки. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создавая условия для его изучения и развития.

Итак, идея «общей судьбы» содержит идею идентичности и свободы. Германн Люббе писал, что это не только та свобода, которая делает частных лиц равными друг другу. Свобода быть разными в мире — это своеобразное проявление юридического принципа равноправия. Требование признания такого права в международном праве вполне легитимно, поскольку речь идет о свободе нашего бытия в контингентной исторической идентичности¹.

Традиции государственности, конечно, отличаются от тех традиций, которые составляют предметную сферу этнографии, хотя и те и другие имеют исторические корни и объективируются только в коллективном сознании людей. Ближе всего comes к понятию архетипов сознания, введенному в научный оборот К. Юнгом.

В процессе модернизации общества происходит столкновение архитрадиций с нормами новой, чаще всего заимствуемой культуры.

Если они укоренены в обществе, тогда необходимо искать механизмы их согласования с нормами модерна. Тот тип культуры, когда модернизация, особенно в экономической и научно-технической сферах, осуществляется без отказа от архитрадиций, возник не только в России, но и во многих других государствах².

Понятие «общая судьба на своей земле» вплетено в систему идей, предназначенных для разумного балансирования между ценностями архитрадиций и модернизации.

¹ Люббе Г. Право оставаться иным. К философии регионализма // Политическая философия в Германии : сб. ст. М., 2005.

² Степин В. С. Ценность права и проблемы формирования правового общества в России // Философия права в начале XXI столетия через призму конституционализма и конституционной экономики. М., 2010. С. 18.

3

Как юридическое понятие право народа быть самим собой может быть охарактеризовано с точки зрения его содержания, то есть юридических возможностей, и его гарантий. Как правовое понятие данное право народов является базовым для формирования той или иной системы мирового порядка.

Содержание этого права определенным образом формируется концепцией справедливости. В частности, из идеи справедливости можно почерпнуть правомочие каждого народа настаивать на равенстве в отстаивании своих прав на идентичность наравне с другими народами.

При конструировании юридического понятия права народа быть самим собой предпочтительнее ориентироваться на философскую традицию номинализма, а не на традицию реализма. Как известно, спор между этими двумя философскими традициями является по существу выбором морального мировоззрения, который всегда происходил, происходит и будет происходить. Напомним, что реалисты, то есть сторонники традиции реализма, исповедовали гносеологический и метафизический примат, онтологическое превосходство общего и идеального над частным и эмпирическим, разнообразным. Сторонники традиции номинализма склоняются к тому, чтобы признать единственной реальностью мир фактов, эмпирический мир. Реализм и номинализм — это два разных типа научной мысли, встречающиеся во всех видах знания. Вот пример, как мыслят сторонники реалистической традиции: если им нужно оценить президента, судью, профессора, то они желают видеть в них прежде всего идеального, созданного их воображением президента, судью, профессора — некий архетип, который в реальности, как правило, не встречается.

Когда же они встречаются президента, судью, профессора, имеющих, как и всякий эмпирический человек, свои достоинства и недостатки, когда они обнаруживают, что президенты, судьи, профессора чаще всего не представляют собой ту идеальную фигуру, которую построило их сознание, они разочаровываются. Это явление выражает турецкая пословица: «Я думал, паша — это паша, а оказалось, что паша — это человек!». Номиналистически мыслящий человек обычно не поддается обаянию идеальных понятий. Такие люди обычно лучше разбираются в людях и не допускают ошибок самообмана. Увлечение традицией реализма, абстрактными понятиями в очень чувствительной сфере цивилизационных различий между народами приводит к трагическим последствиям. В качестве примера можно указать на Дж. Роулза с его понятием рационально мыслящего сообщества народов, которым он пользуется в своей книге «Право народов». Рационально мыслящее сообщество народов состоит у Роулза из либеральных и иерархических обществ.

Идеалистическое понятие либерального общества у него определяется как общество, имеющее правопорядок, пронизанный концепцией общего блага, гарантирующей, что в обществе соблюдаются права человека. При этом совершенно не учитывается, что абсолютизация прав некоторых меньшинств, таких как

сторонники однополой любви, несет в себе серьезные риски раскола общества. Позволим себе напомнить, как в книге М. Твена «Принц и нищий» последний с помощью государственной печати колот орехи. Используя это сравнение, я хочу показать, что предельно абстрактная категория прав человека в неумелых (или, наоборот, изощренных) руках может обладать разрушительной силой.

Увлечение реалистической традицией мышления опасно тем, что в нем запрограммированы предвзятость к другим цивилизациям и культурам и даже откровенный снобизм. Западная традиция индивидуализма рассматривается как очевидно самая совершенная, как аксиома, не требующая доказательств, несмотря на то что в большинстве стран мира есть традиция рассматривать человека как члена сообщества, общины, трудового коллектива.

Свобода личного самоопределения и самовыражения в ее конституционном понимании не может простирается столь широко, чтобы при этом игнорировались лежащие в основе организации общественной жизнедеятельности и получившие свое конституционное признание ценностные предпочтения демократического большинства. Тем самым ставилось под сомнение историческое и культурное самоопределение народа, его развитие в условиях гражданского мира и согласия на основе осознания своих исторических, культурных и иных национальных традиций, а также ответственности перед будущими поколениями.

Инерционное мышление — вот чем оборачивается увлечение реализмом в ущерб номинализму. Без особых доказательств Дж. Роулз предлагает считать кульминацией цивилизационного развития такую систему мирового устройства, когда суверенитет государства обязательно должен быть ограничен с помощью прав человека, стандарты которых создаются в одной мастерской, в одной части мира, которая заведомо всегда права, потому что является хранительницей разума. Если же представления какого-либо народа о правах человека вступают в противоречие с этими стандартами, то такой народ можно причислить к числу тех, которые нуждаются в принудительном исправлении.

К сожалению, Дж. Роулз искажает идею Канта, который писал о том, что первой политической обязанностью человека является обязанность оставить естественное состояние и подчиниться нормам рационального и справедливого права. Не думаю, что Кант пришел бы в восторг, если бы узнал, что, оказывается, если в каком-то обществе не уважают права человека в соответствии с унифицированными стандартами, не учитывающими цивилизационные различия, то либеральный авангард сообщества либеральных государств вправе начать бомбить такое государство.

По поводу книги Дж. Роулза возникла дискуссия между ним и Ю. Хабермасом. В своем докладе на Всемирном философском конгрессе в Стамбуле Ю. Хабер-

мас показал, что ему не по душе мышление в традиции реализма Дж. Роулза. Он заявил, что защита целостности жизненных форм и привычного образа жизни организованной в государство общности людей, если речь не идет о геноциде и преступлениях против человечности, имеет преимущественное право перед осуществлением абстрактных принципов справедливости в масштабах всего мира.

Рамки выступления не позволяют детализировать мою аргументацию. Ограничусь лишь выводом о том, что традиция реализма таит в себе риски появления опасных когнитивных установок в тех случаях, когда теория является основой политики, то есть курса действий государств. Когнитивная установка, ориентация на абстрактные понятия либерального общества, иерархического общества совсем небезобидна.

Роулз доказывает с помощью абстрактного понятия справедливости право цивилизованных наций вести «справедливые войны». Ю. Хабермас прав, утверждая, что критерии оценки, является ли война справедливой, нельзя перевести на язык права, их применение государствами не поддается проверке международными судами.

К тому же тут слишком много релятивизма: кто может определять на надгосударственном уровне, действительно ли западные правовые ценности заслуживают всеобщего признания?

Итак, право народа быть самим собой — это право иметь историческую память, являющуюся частью исторического наследия, право обладать национальным духом, в случае с российским народом — это дух непобежденных, в конце концов право на цивилизационную идентичность.

4

Вот почему необходимо настаивать на собственном понимании своих конституционных ценностей, и это стремление является частью права народа быть самим собой. Мы не можем принять предлагаемые нам западные рецепты нейтралитета государства по проблеме пропаганды однополой любви. Свобода проповедовать однополую любовь ассоциируется в нашем обществе с публичной непристойностью, осуждаемой многонациональным российским народом. Демонстрация геев может завершиться побоями, беспорядками. Мы не можем принять также рекомендацию о полном раскрепощении (либерализации) и пропаганде человеческих инстинктов, направленную на разрушение морального авторитета Русской православной церкви.

Наши оппоненты на Западе не могут не знать, что предлагаемые ими сугубо западные правовые ценности внесут раскол в российское общество. Между тем социальная ценность конституционного права состоит в том, чтобы разумно сочетать защиту прав меньшинств с принципом, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.